

**Межрегиональные связи
населения России:
исследование на основе сведений
о местах рождения мигрантов**

Константин Анатольевич Чернышев
(kochern@rambler.ru),
Институт социальной демографии
ФНИСЦ РАН, Россия.

**Interregional migration
ties in Russia:
evidence from census
place-of birth data**

Konstantin Chernyshev
(kochern@rambler.ru),
Institute of Social Demography
of FCTAS RAS, Russia.

Резюме: В данной работе оцениваются миграционные связи регионов России на основе данных переписей населения 1989, 2002, 2010 и 2021 г. Основное внимание уделено пожизненной миграции, которая выявляется на основе несовпадения мест рождения и проживания. Обсуждаются проблемы качества данных, особенно переписи 2021 г. Проанализирована динамика численности 5112 контингентов межрегиональных мигрантов по переписям 1989 и 2021 г., и 4970 по переписям 2002 и 2010 г. Из крупнейших контингентов за 1989–2021 гг. произошло увеличение числа уроженцев Дагестана на Ставрополье и уроженцев Ростовской области в Московском регионе. Среди удалённых друг от друга регионов выделяется наличие большого контингента мигрантов из Башкортостана в Тюменской области. Постепенно уходят в прошлое крупные контингенты уроженцев Тверской области в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, а также уроженцев Кировской области, переселившихся в Свердловскую. Для оценки взаимодействия регионов рассчитаны коэффициенты результативности миграционного обмена и коэффициенты интенсивности миграционных связей по прибытию. Эти показатели редко используются при анализе пожизненной миграции. Результаты подтверждают высокую интенсивность миграции между соседними территориями (наиболее заметную в Центральной России и на Северо-Западе, в Сибири и на Дальнем Востоке), а также доминирование Московского региона как главного центра притяжения мигрантов. Среди неграничащих между собой регионов по интенсивности взаимодействия выделяются дальневосточные, где теснота миграционных связей возрастает. Наиболее заметен Приморский край, выступающий центром притяжения для уроженцев других частей Дальнего Востока. Выявлено интенсивное взаимодействие Мурманской области с областями Северо-Запада России. Массовое переселение из Магаданской области и Чукотки в регионы Черноземья сформировало интенсивные связи с Белгородской и Липецкой областями. Исследование показало потенциал переписной статистики для изучения долгосрочных тенденций перемещения населения, доказав возможность количественной оценки интенсивности межрегиональных миграционных связей по прибытию даже в условиях низкого качества переписных данных.

Ключевые слова: регионы России, переписи населения, внутренняя миграция, пожизненная миграция, межрегиональные связи, коэффициенты интенсивности миграционных связей.

Благодарности: Автор благодарит анонимных рецензентов за полезные замечания.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта РФФ № 25-78-30004.

Для цитирования: Чернышев К.А. (2026). Межрегиональные связи населения России: исследование на основе сведений о местах рождения мигрантов. Демографическое обозрение, 13(1), 22-43.
<https://doi.org/10.17323/demreview.v13i1.33715>

Abstract: This paper estimates interregional migration links in Russia using data from the population censuses of 1989, 2002, 2010, and 2021. The analysis focuses on lifetime migration, identified through discrepancies between individuals' places of birth and places of residence. Particular attention is paid to data quality issues, especially those affecting the 2021 census. The study analyzes changes in the size of 5,112 interregional origin–destination migrant groups based on the 1989 and 2021 censuses, and 4,970 such groups based on the 2002 and 2010 censuses. Among the largest groups over the period 1989–2021, the most notable increases are observed for individuals born in Dagestan and residing in Stavropol Krai, as well as for those born in Rostov Oblast and residing in the Moscow region. Among geographically distant regions, a notably large origin–destination migrant group is observed between Bashkortostan and Tyumen Oblast. At the same time, previously large groups—such as individuals born in Tver Oblast

and residing in Saint Petersburg and Leningrad Oblast, as well as those born in Kirov Oblast and residing in Sverdlovsk Oblast—are gradually declining. Interregional interactions are assessed using migration exchange effectiveness indices and net in-migration intensity measures. These measures are rarely applied in the analysis of lifetime migration. The results confirm a high intensity of migration between neighboring regions—most prominently in Central Russia and the North-West, as well as in Siberia and the Far East—and the dominance of the Moscow region as the principal destination for migrants. Among non-adjacent regions, the Far Eastern regions stand out for the increasing intensity of migration exchanges. Primorsky Krai is particularly notable as a major destination for individuals born in other parts of the Far East. Strong migration flows are also identified between Murmansk Oblast and other regions of North-West Russia. Large-scale out-migration from Magadan Oblast and Chukotka to the Central Black Earth regions has led to the formation of strong migration ties with Belgorod and Lipetsk Oblasts. The study demonstrates the potential of census data for analyzing long-term trends in population movement and shows that it is possible to quantify the intensity of interregional migration ties based on in-migration data, even in the presence of low-quality census data.

Keywords: *regions of Russia, population census, internal migration, lifetime migration, interregional ties, coefficients of intensity of migration ties.*

Funding: *The author thanks the anonymous reviewers for their valuable comments.*

Funding: *The study was supported by the Russian Science Foundation grant [No. 25-78-30004](#).*

For citation: *Chernyshev K. (2026). Interregional migration ties in Russia: evidence from census place-of birth data. Demographic Review, 13(1), 22-43. <https://doi.org/10.17323/demreview.v13i1.33715>*

Введение

Межрегиональная миграция естественна для России, крупнейшей по территории страны мира. Высокая дифференциация многих социально-экономических показателей между субъектами РФ приводит к перемещению населения из отстающих и экономически депрессивных регионов в более развитые. Помимо экономических, миграция может быть обусловлена историческими, климатическими и иными причинами. Несмотря на значительные масштабы внутренней миграции, она остаётся менее изученной по сравнению с перемещениями между странами, что позволяет называть её «золушкой» среди компонентов демографической динамики (Bell et al. 2020: 406).

Исследователи, изучающие территориальную подвижность населения, используют источники информации, отражающие разные аспекты миграции: перемещение населения (миграционные потоки) или его результат (миграционные контингенты) (Vargus, Halfacree 2018). В России, как и ранее в СССР, большинство исследований опирается на административные источники, в первую очередь характеризующие миграционные потоки по данным о регистрации прибывших и выбывших. Считается, что учёт миграции более сложная задача по сравнению с регистрацией естественного движения населения (Моисеенко 2002), а перемещения внутри страны хуже поддаются статистическому учёту, чем международные, поскольку не связаны с регулированием пересечения границ. В постсоветский период качество и сопоставимость данных снизились из-за усиления проблем неполноты учёта, двойного счёта, автоматического учёта выбытий по окончании срока регистрации по месту пребывания, многократных изменений методологии в целом (1996, 2011, 2021, 2024 г.), что приводило к колебаниям регистрируемых объёмов миграционных событий (Чудиновских 2025а; Рыбаковский, Судоплатова 2015).

Другим традиционным источником являются переписи населения. Они охватывают всех жителей независимо от правового статуса и считаются наиболее надёжным, а для многих стран единственным, источником сведений о численности международных мигрантов (Handbook ... 2022: 23). Изучение внутренней миграции по данным переписей населения актуально для больших по территории государств с большим количеством территориальных единиц: США, Австралии, Китая и других. Однако есть мнение, что в современных условиях значимость традиционных переписей снижается, ибо они заменяются или дополняются электронными регистрами населения (Coleman 2013).

Проект IMAGE по изучению внутренней миграции в 30 странах мира выявил ключевое препятствие для сравнений – различия в типах собираемых данных (события, переезды, продолжительность проживания или последний переезд); интервалах, в течение которых измеряется миграция; размерах территориальных единиц стран (Charles-Edwards et al. 2019: 154-155).

Исследования пожизненной миграции могут сочетать данные переписей и социологических опросов. Так А. Бернард и С. Видаль (Bernard, Vidal 2023), изучая пожизненную миграцию в рамках проекта Международного союза по исследованиям народонаселения (International Union... 2025), использовали данные опросов лиц, родившихся в 1950-1965 гг. в 20 европейских странах. Исследователи выявили взаимосвязь между внутренней (территориальные единицы NUTS2) и международной миграцией в Евросоюзе, показав, что международные мигранты обычно совершают и внутренние переезды.

В России данные переписей населения используют в первую очередь для корректировки текущей статистики и косвенной оценки миграционного прироста через уравнение демографического баланса (Doronina 2019; Мищук 2024; Мкртчян 2011; Денисенко, Степанова 2013). Это требует высокого качества данных о естественном движении и верного определения численности населения в переписях. Доступные данные переписей населения с 1970 по 2010 г. по экономическим районам РСФСР использовались А.В. Топилиным с соавторами для изучения сдвигов в размещении населения и определения роли в них миграционной составляющей (Топилин и др. 2018).

Сопоставление данных о месте рождения с местом проживания на момент проведения переписи даёт материал для изучения перемещений населения, совершённых в течение жизни, и позволяет оценить итоги миграции за длительный период. Термин «пожизненные мигранты» (lifetime migrants) используется для обозначения людей, родившихся в одном месте, но на момент переписи проживающих в другом (Абылкаликов 2016). Первое известное нам исследование пожизненной миграции после возвращения в программу переписей вопроса о месте рождения было проведено Е.Е. Скатерщиковой (1996), предложившей типологию регионов по соотношению показателей: численность населения, доли уроженцев субъектов РФ, проживавших на малой родине и за её пределами. Развивая эти идеи, С.И. Абылкаликов провёл наиболее обстоятельное на данный момент исследование роли пожизненной миграции в формировании населения регионов России по данным переписей с 1897 по 2010 г. (Абылкаликов 2018). В отдельных работах анализировались данные о местах рождения жителей определённых регионов или городов России (Карачурина, Мкртчян 2016; Замятина 2016; Денисенко, Степанова 2012). Пожизненные миграции не включают промежуточные переезды, например, человек, много лет проживший вдали от родного региона, но возвратившийся в него к моменту переписи, не будет учтён. Контингенты мигрантов по данным разных переписей в значительной мере представлены одними и теми же людьми, изменение их размеров происходит в ходе переселений, а сокращение – ещё и в результате смертности.

В нашей работе предлагается изучить миграционные связи регионов России по данным переписей населения (ВПН) 1989, 2002, 2010 и 2021¹ гг., охватив максимально возможный для ныне живущих людей период.

---

¹ Всероссийская перепись населения 2020 г. (официальное наименование) была фактически проведена 15 октября — 14 ноября 2021 года. См.: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>

Методы и данные

Миграционные взаимодействия регионов обычно основаны на данных о численности прибывших, выбывших, миграционном обороте и сальдо. Для оценки парных миграционных связей регионов применяется коэффициент результативности миграционного обмена (КРМС), вычисляемый как отношение числа выбывших к числу прибывших для двух взаимодействующих регионов (формула 1). Он может быть рассчитан с использованием переписной статистики.

$$\text{КРМС}_{ij} = \frac{B_{ij}}{S_{ji}} \quad (1),$$

где КРМС_{ij} – коэффициент результативности миграционного обмена региона i и региона j ;

B_{ij} – контингент выбывших из региона i в регион j ;

S_{ji} – контингент прибывших в регион i из региона j .

Объёмы миграции во многом определяются численностью населения взаимодействующих регионов. Для оценки реальной интенсивности взаимодействия территорий американские исследователи предлагали использовать показатель скорости миграционного потока (Vogue et al. 1957). В российской демографии для элиминирования влияния на показатель миграционных связей численности населения районов выхода и вселения используются коэффициенты интенсивности миграционных связей (КИМС). Для вычисления КИМС удельный вес мигрантов из каждого региона в числе прибывших (выбывших, миграционном обороте) в регион делится на удельный вес региона выхода в численности населения всех территорий, с которыми осуществляются миграционные связи (формула 2).

$$\text{КИМС}_{\text{приб. } ij} = \frac{S_{ji}}{\sum S_{ji}} \cdot \frac{P_j}{P - P_i} \quad (2),$$

где $\text{КИМС}_{\text{приб. } ij}$ – КИМС по прибытию в регион i из региона j ;

P_j – численность населения региона j , по прибытию из которого рассчитывается КИМС;

P_i – численность населения региона i , по прибытию в который рассчитывается КИМС;

P – численность населения всех изучаемых регионов (72 региона в 1989 и 2021 г., 71 регион в 2002 и 2010 г.).

Нам известно около 30 работ, в которых осуществлены расчёты КИМС между парами регионов (Чернышев 2025). По наибольшему массиву-матрице такие расчёты проводились Л.Л. Рыбаковским (1973), Н.В. Мкртчяном (1997), Л.Б. Карачуриной (1999), Н.В. Тарасовой (2004), С.В. Рязанцевым (2005), О.Л. Рыбаковским (2022), А.В. Смирновым (2024). Расчёты индексов, проведенные Л.Л. Рыбаковским для регионов РСФСР, использовались зарубежными авторами (Slater 1975; Шангысбаева, Саипов 2020), а сама методика – официальными органами власти (Методика анализа и мониторинг... 2004). В последние годы с появлением ограниченного доступа к данным по внутрирегиональной миграции отдельные исследователи рассчитывали КИМС между муниципальными образованиями (Тарасова 2018; Лялина, Гуменюк, Плотникова 2025). Однако значения данного показателя при расчётах для малонаселённых территорий с интенсивной миграцией могут завышаться, так как даже сравнительно небольшое абсолютное число мигрантов на фоне незначительной численности населения приводит к

завышению расчётных значений. В любом случае экстремальные значения КИМС требуют дополнительной проверки по абсолютным числам мигрантов и сопоставления с другими источниками данных.

Все перечисленные расчёты КИМС в качестве информационной базы использовали данные текущей регистрации мигрантов. КИМС является безразмерным показателем, отражающим во сколько раз доля прибытий, выбытий, оборота с конкретным регионом больше или меньше численности населения данного региона в массиве всех территорий, с которыми осуществляются миграционные связи. Например, значение КИМС по прибытию в регион i из региона j , равное 20, означает, что доля уроженцев региона j среди всех прибывших в регион i в 20 раз выше, чем доля населения региона j в численности населения всех регионов России (за вычетом региона i). Среднее значение КИМС всегда равно 1,0, а его интерпретация варьируется. По Л.Л. Рыбаковскому, значения КИМС показывают: до 0,39 – несущественные связи; 0,4-0,79 – заметные; 0,8-1,25 – средние; 1,26-2,50 – повышенные; более 2,51 – высокие; по Н.В. Мкртчяну: 1,00-1,99 – связи повышенной интенсивности; более 2,00 – высокоинтенсивные связи.

А.О. Аверьянов и И.С. Степуть (2024) оценивали интенсивность межрегиональных связей населения Арктики на основе данных переписей о местах рождения и проживания, используя показатель «коэффициент локализации» (подобный КИМС). А.В. Смирнов сравнивал контингенты мигрантов по переписи (ВПН) 1989 г. с текущей статистикой миграционных потоков в 2016-2023 гг. (Смирнов 2025).

В данной работе мы проанализируем размеры и динамику контингентов межрегиональных мигрантов, представим расчёты КИМС и КРМС на основе переписей населения.

Важнейшей исследовательской проблемой является качество данных переписей населения, особенно последней – ВПН-2021. Для российских переписей характерны типичные ошибки (Андреев 2012), приводящие к искажению численности населения в сторону занижения (неполный охват ряда категорий населения, прежде всего временных мигрантов, в том числе проживающих нелегально иностранцев) или завышения (двойной счёт лиц, имеющих два или более мест проживания, а также представителей подвижных групп населения – сменивших место жительства на непродолжительный период, студентов, военных, заключённых).

Исходя из итогов последней Всесоюзной и Всероссийских переписей населения, численность как межрегиональных², так и международных мигрантов заметно снижалась за 1989-2021 гг. (таблица 1). Сравнить численность контингентов мигрантов по разным переписям проблематично, ибо в постсоветских переписях нарастало число лиц, не указавших место рождения, что обусловлено использованием несогласованных административных источников. Так, начиная с ВПН-2010, было разрешено заполнение переписных листов на основании административных источников в случае отсутствия членов домохозяйств или их отказа сообщать сведения о себе³. По данным Росстата,

² Численность межрегиональных мигрантов определялась в разрезе укрупнённых территориальных единиц.

³ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О всероссийской переписи населения» от 28.11.2009 №293-ФЗ. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94249/

из административных источников в итоги переписи 2021 г. были внесены сведения примерно о 9 млн человек – в 2,5 раза больше, чем в 2010 г. (Росстат 2021b).

Таблица 1. Постоянное население России по месту рождения и проживания (по данным переписей населения 1989, 2002, 2010, 2021 г.)

	12.01.1989		09.10.2002		14.10.2010		15.10.2021	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Численность населения	147022 *	100,0	145167	100,0	142857	100,0	147182	100,0
Место рождения								
Российская Федерация	135550	92,2	131609	90,7	127116	89,0	116571	79,2
в том числе:								
родной регион ** в РФ не соответствует региону проживания	33840	22,6	23874	16,4	25179	17,6	13857	9,4
регион РФ не указан	...	...	...	...	...	...	558	0,4
Зарубежные страны	...	...	11977	8,3	11195	7,8	6896	4,7
Место рождения не указано	994	0,7	1581	1,1	4545	3,2	23715	16,1

Источник: Расчеты автора на основе данных переписей населения (Демоскоп Weekly 1989; Росстат 2002;2010; 2021a).

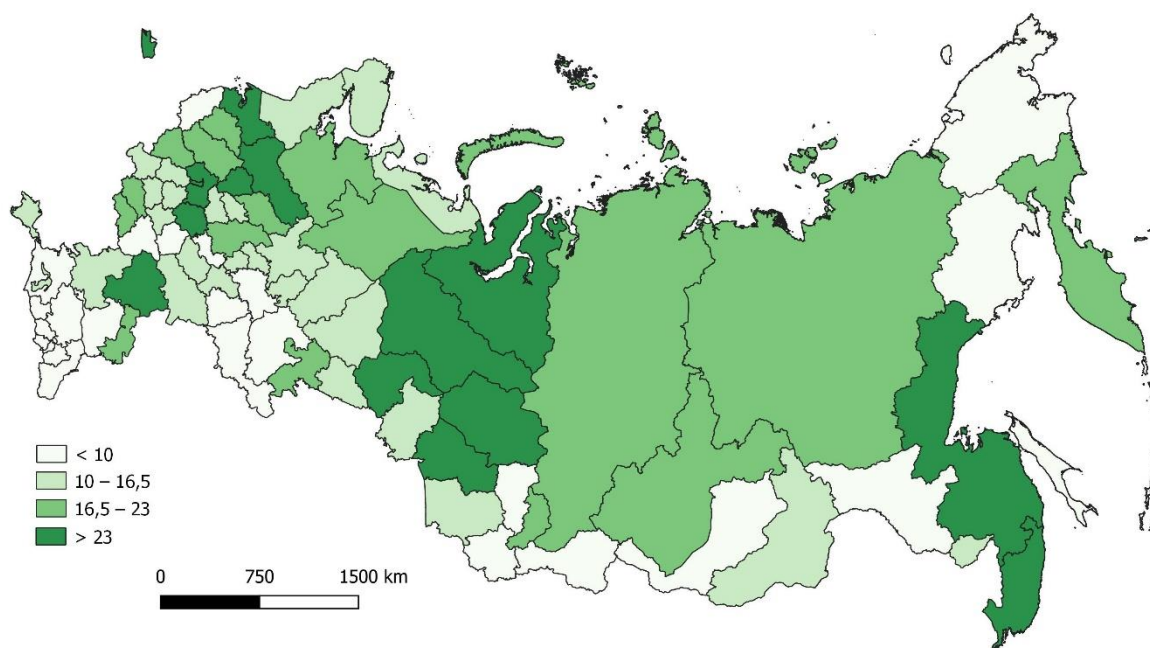
Примечание: * - В расчётах к населению РСФСР прибавляли постоянное население Крымской области; ** - 71 укрупнённый регион по ВПН-2002 и 2010, 72 укрупнённых региона по ВПН-1989 (включая Крымскую область) и по ВПН-2021 (включая Республику Крым и Севастополь).

Росту числа лиц с неуказанными характеристиками способствовал ряд факторов: проведение переписи в период пандемии COVID-19, отсутствие административной ответственности за отказ от участия (Фарахутдинов, Хайруллина 2022), проблемы использования портала «Госуслуги», приведшие к неполному заполнению анкеты (Чудиновских 2023), а главное – это массовое использование административных источников, не содержащих многих необходимых для переписи характеристик (Чудиновских 2025b). Это позволило О.С. Чудиновских весьма критически оценивать качество информации, собранной в ходе ВПН-2021, и заключить, что перепись «трудно считать пригодной для измерения внутренней пожизненной миграции..., так как нет данных для корректного расчёта чистой пожизненной миграции» (Чудиновских 2025b: 11).

Е.М. Андреев отмечает, что «перепись 2021 г. проведена в сложных условиях пандемии, что не могло не сказаться на качестве результатов. Однако... высказывания о недостоверности всех итогов переписи ничем не обоснованы. Итоги переписи не идеальны, но в целом точность переписи 2021 г. не ниже, чем переписей 2002 и 2010 годов» (О надёжности и сопоставимости... 2023). Расчёты Е.М. Андреева и Е.В. Чуриловой, основанные на доле лиц с неизвестным семейным положением и уровнем образования, показали, что административные источники использовались в получении сведений об одной шестой части населения (Andreev, Churilova 2023). Это значение также соответствует доле лиц, чьё место рождения неизвестно (16,5%). Среди субъектов РФ доля лиц, не указавших место рождения, превышала 30% в Севастополе, ХМАО-Югре, Москве, Приморском крае. С наибольшим охватом данные сведения были представлены для населения Чеченской Республики, Чукотки, Кабардино-Балкарии, Башкортостана (рисунок 1). Дифференциация субъектов РФ по доле лиц с неустановленным местом рождения может указывать на различающиеся подходы к организации проведения переписи региональными властями.

Мы разделяем замечания о низком качестве миграционных данных переписи 2021 г., полагая, что из сведений, характеризующих миграционные связи, наиболее адекватны данные по контингентам прибывших (расчёт КИМС по прибытию). Вычисление КИМС по выбытию или обороту были бы возможны при допущении одинакового качества переписных данных во всех регионах, что маловероятно. Отметим, что акцент на анализе прибытий традиционен для исследований миграционных связей регионов (Переведенцев 1975).

Рисунок 1. Доля населения с неустановленным регионом рождения по данным ВПН-2021, %

Источник: Расчеты автора на основе итогов ВПН–2021 (Росстат 2021а).

Таблица 2. Перечень укрупнённых регионов для изучения пожизненной миграции

№	Субъекты РФ
1	Республика Адыгея и Краснодарский край
2	Республика Алтай и Алтайский край
3	Республика Ингушетия и Чеченская Республика
4	Карачаево-Черкесская Республика и Ставропольский край
5	Республика Крым и Севастополь
6	Республика Хакасия и Красноярский край
7	Хабаровский край и Еврейская автономная область
8	Архангельская область и Ненецкий автономный округ
9	Ленинградская область и Санкт-Петербург
10	Магаданская область и Чукотский автономный округ
11	Московская область и Москва
12	Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ

В определённой мере ответы о месте рождения могут искажаться из-за изменений территориального устройства страны. В большой мере это относится к уроженцам бывших автономий, которые при заполнении переписных листов могут указывать регион,

к которому область или округ относились в прошлом ⁴. Искажения возникают, если имела место передача крупных частей соседям или регионы были образованы (восстановлены) в течение анализируемого периода. В научных работах для сравнения данных за продолжительные периоды прибегают к укрупнению смежных территориальных единиц в «миграционные пространства» (Рыбаковский 2008), «укрупнённые районы» (Абылкаликов 2018), «аналитические единицы» (Sander 2014). В исследовательских целях в данной работе были укрупнены сведения о контингентах мигрантов в городах федерального значения и соответствующих субъектах РФ; регионах, в составе которых имелись в прошлом или существуют в настоящее время автономии (таблица 2). Построенные по укрупнённым регионам «шахматки» позволили анализировать контингенты межрегиональных мигрантов: 5112 для переписей 1989 и 2021 г., 4970 для переписей 2002 и 2010 г.

Результаты и обсуждение

Распределение контингентов межрегиональных пожизненных мигрантов в основном происходит в соответствии с законами Э. Равенштайна: большинство людей переселяется недалеко, а миграции на значительные расстояния в основном направляются в крупнейшие центры (Ravenstein 1885). Данные всех четырёх переписей подтвердили интенсивный обмен населением между соседними территориями, поэтому по примеру других исследований разграничим анализ миграционных связей соседних регионов и неграничащих между собой (Карачурина 2003; Смирнов 2024).

Несмотря на общее сокращение численности выявленных ВПН-2021 пожизненных мигрантов, за период с 1989 г. численность 268 контингентов из 5112 увеличилась. Более чем в 3,1-4,5 раза возросла численность уроженцев Калмыкии в Московском регионе (Москва и Московская область – см. таблицу 2), Саха (Якутии) ⁵ и Магаданской области (с Чукоткой) в Белгородской, а также встречные контингенты мигрантов между Дагестаном и Тюменской областью (здесь и далее включая ХМАО-Югру и ЯНАО). В таблице 3 представлено изменение численности 20 наиболее крупных контингентов межрегиональных внутренних мигрантов по переписям 1989-2021 гг. Из крупнейших контингентов произошло увеличение числа дагестанцев на Ставрополье (с Карачаево-Черкессией) и уроженцев Ростовской области в Московском регионе. Кроме того, в число 20 крупнейших контингентов по итогам последних переписей вошли переехавшие в Московский регион уроженцы Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Краснодарского края, Саратовской области, а также выходцы с регионов Алтая в Новосибирской области, из Ростовской области в Краснодарском крае и Адыгее. Напротив, крупнейшие контингенты переселенцев, сформированные волнами сельско-городской миграции XX века, в условиях истощения миграционного потенциала географически удалённых регионов-доноров постепенно вымирают. Наиболее заметно «растворение» выходцев из Тверской области в населении Санкт-Петербурга и Ленинградской области, а также из Кировской области в населении Свердловской. Несмотря на соседство, примерно в 4-5 раз сократились контингенты уроженцев

---

⁴ Например, ЕАО и Хакасия имеют положительный баланс пожизненной миграции с Хабаровским и Красноярским краями соответственно.

⁵ В тексте статьи отдаётся предпочтение современным наименованиям субъектов РФ.

Рязанской, Орловской, Смоленской областей в Московском регионе, Псковской в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, регионов Алтая в Кемеровской области.

Таблица 3. Численность контингентов межрегиональных мигрантов, входивших в 20 крупнейших по данным ВПН-1989, 2002, 2010, 2021, тыс. чел.

Регион рождения – регион проживания	ВПН-1989	ВПН-2002	ВПН-2010	ВПН-2021
Рязанская область – Московский регион	542,9	358,8	294,9	102,9
Тульская область – Московский регион	315,9	252,8	227,5	92,6
Башкортостан – Тюменская область с ХМАО-Югрой и ЯНАО *	128,1	124,9	124,3	83,0
Тамбовская область – Московский регион *	270,2	206,0	195,0	82,4
Свердловская область – Тюменская область с ХМАО – Югрой и ЯНАО	118,8	115,9	107,9	76,3
Владимирская область – Московский регион	145,3	126,3	130,7	64,7
Краснодарский край и Адыгея – Московский регион *	91,1	89,4	99,4	64,4
Алтайский край и Республика Алтай – Новосибирская область	124,3	102,8	94,9	63,8
Калужская область – Московский регион	232,1	171,9	153,2	63,0
Ростовская область – Краснодарский край и Адыгея	100,6	104,6	98,8	62,7
Тверская область – Московский регион	210,9	152,0	142,6	62,6
Башкортостан – Челябинская область	175,6	136,5	117,4	62,2
Саратовская область – Московский регион *	88,5	84,7	96,7	61,9
Краснодарский край и Адыгея – Ростовская область	144,6	135,5	124,4	61,5
Ростовская область – Московский регион *	59,8	73,0	90,6	60,9
Дагестан – Ставропольский край и Карачаево-Черкессия	58,9	69,7	73,7	60,7
Санкт-Петербургский регион – Московский регион *	101,5	104,3	105,8	60,6
Нижегородская область – Московский регион*	152,1	126,2	119,4	59,3
Псковская область – Санкт-Петербургский регион	246,1	151,2	105,5	57,6
Воронежская область – Московский регион *	134,3	115,7	119,8	55,5
Смоленская область – Московский регион	252,4	166,7	141,9	54,6
Брянская область – Московский регион *	108,4	111,5	113,7	54,3
Ульяновская область – Самарская область	145,6	115,4	103,5	53,1
Алтайский край и Республика Алтай – Кемеровская область	195,4	128,9	100,8	51,0
Липецкая область – Московский регион*	147,5	121,4	118,0	47,4
Новгородская область – Санкт-Петербургский регион	171,0	112,0	93,2	46,6
Тверская область – Санкт-Петербургский регион *	257,7	144,5	105,5	45,8
Курская область – Московский регион *	115,2	103,5	103,9	41,8
Вологодская область – Санкт-Петербургский регион	135,5	89,3	75,1	40,1
Орловская область – Московский регион *	153,9	118,0	106,6	37,2
Кировская область – Свердловская область *	143,8	91,9	65,9	25,7

Источник: Расчеты автора на основе данных переписей населения (Демоскоп Weekly 1989; Росстат 2002; 2010; 2021а).

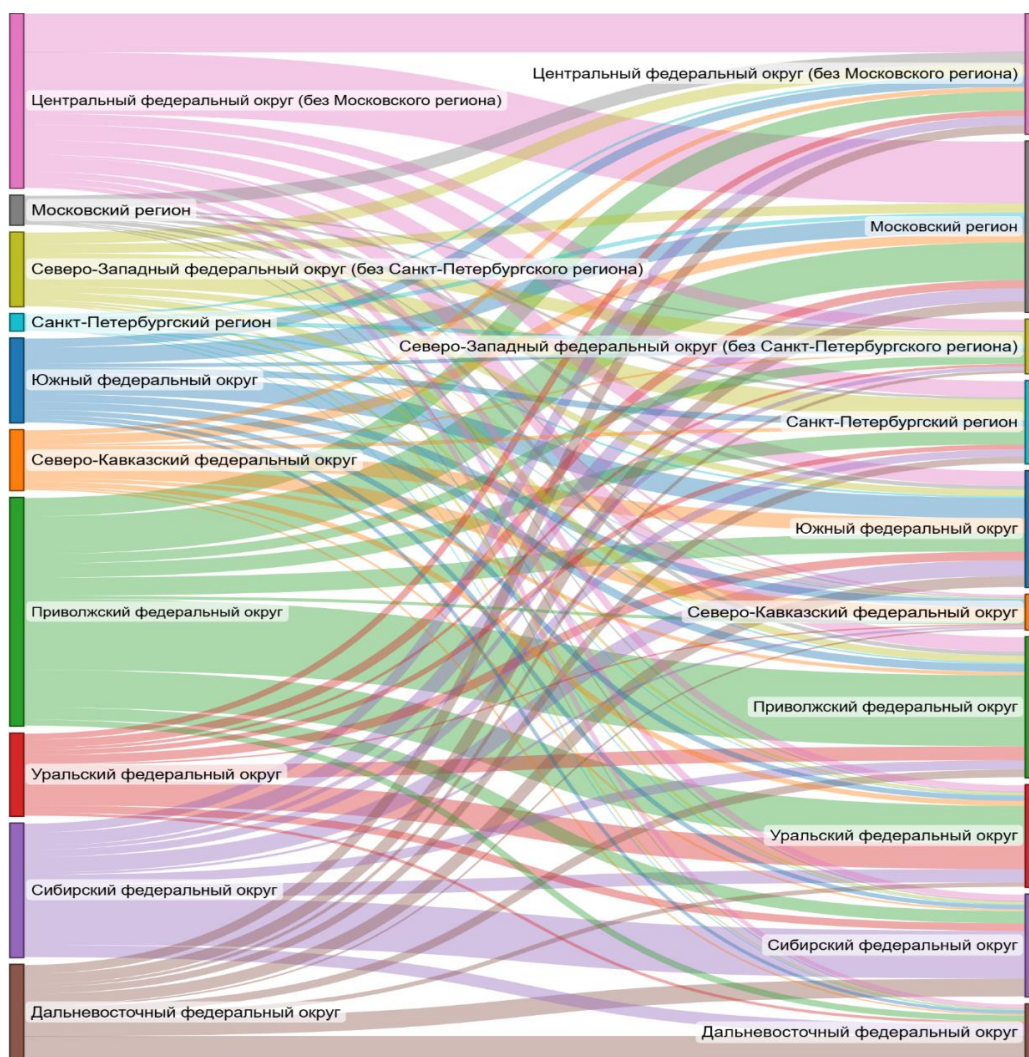
Примечание: * – Не граничащие между собой регионы; полужирным шрифтом выделены размеры 20 крупнейших контингентов для каждой переписи; контингенты ранжированы по численности в ВПН-2021.

Отклонением от ожидаемого перераспределения мигрантов на соседние территории является устойчиво крупный контингент уроженцев Башкортостана, проживающих в Тюменской области (переписи 2002, 2010, 2021 г.). Тесная связь между Башкортостаном и автономными округами Тюменской области во многом носит возвратный характер и связана с общей профессиональной (нефтегазовой) специализацией регионов (Хилажева 2019). Другие крупные контингенты пожизненных мигрантов (за исключением Московского региона): уроженцы Тверской области в

Санкт-Петербурге и Ленинградской области (2002, 2010 г.), а также крупный «след» советских трудовых миграций – кировчане в Свердловской области (1989 г.).

Велико значение Москвы и Московской области как главного миграционного реципиента: в 1989 г. на столицу с областью приходилось 14,1% контингента межрегиональных мигрантов. В дальнейшем доля увеличилась до 15,8% в 2002 г., 18,4% в 2010 г. и 17,5% в 2021 г. Из 20 наиболее крупных для каждой переписи контингентов межрегиональных мигрантов на переселившихся в Московский регион в 2021 г. приходилось 12 (в 2010 г. – 14, в 1989 и 2002 г. – по 11), из которых 7 (в 2010 г. – 8, в 1989 и 2002 г. – по 5) регионов рождения не имеют границы с Подмосковьем. Доминирование Московского региона наглядно при рассмотрении диаграммы потоков межрегиональной миграции (рисунок 2). Численность пожизненных межрегиональных мигрантов в Москве и Московской области в 5,9 раза превышала число уроженцев данных субъектов РФ, проживавших в других частях России. Самый большой контингент выходцев из многонаселенного Московского региона сосредоточен в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, занимая по итогам переписей лишь 56-64 места в России.

Рисунок 2. Диаграмма потоков межрегиональной пожизненной миграции населения России по данным ВПН–2021 в разрезе федеральных округов и столичных регионов

Источник: Расчеты автора на основе итогов ВПН–2021 (Росстат 2021а).

В отдельных регионах в распределении мигрантов по территориям происхождения доминирует один регион. За редким исключением это соседние регионы: среди переехавших в Тыву уроженцев Красноярского края и Хакасии было более 50% (переписи 1989, 2002, 2010 г.), а в 2021 г. – более 30%. Данный показатель превышал 30% для кировчан, переселившихся в республику Марий Эл (1989 г.), уроженцев Чеченской и Ингушской республик в Северной Осетии-Алании и Забайкальского края в Бурятии (2021 г.). Среди не граничащих между собой регионов высока доля выходцев из Красноярского края и Хакасии в числе неместных уроженцев, проживавших в 1989 г. в Забайкальском крае (16,9%), а также родившихся в Башкортостане, но проживавших в Тюменской области (2010 г. – 12,5%; 2021 г. – 12,1%). Анализ абсолютной численности миграционных контингентов позволяет судить о масштабах переселений, но зависит от размеров регионов и различий в качестве проведения переписей (особенно ВПН-2021). Для оценки миграционных связей, очищенных от влияния численности населения регионов, перейдём к анализу относительных показателей: коэффициентов результативности миграционного обмена и коэффициентов интенсивности миграционных связей. Обычно крайние значения КРМС характерны для взаимодействия территорий с выраженными характеристиками миграционных доноров и реципиентов. Примеров, когда встречные контингенты мигрантов различаются в 10 и более раз в 1989 г. было 58, в 2002 г. – 42, в 2010 г. 71, в 2021 г. – 117.

В 1989 г. более чем в 10 раз контингент прибывших превышал число выбывших в Московском регионе по 13 направлениям, в регионах Крыма – по 11, в Санкт-Петербурге и Ленинградской области – по 9 направлениям. К 2021 г. в населении двух столичных территорий имелось по 30 контингентов межрегиональных мигрантов, численность которых в 10 и более раз превышала накопленные миграционные потоки в обратном направлении. В Крыму из-за пребывания в составе Украины число таких контингентов сократилось до 4 к 2021 г. Если в 1989 г. Чечня и Ингушетия имели значение КРМС более 10 в обмене только с одним регионом (Тюменской областью), то в 2021 г. таких регионов насчитывалось 17. Аналогично для Дагестана количество таких регионов возросло с 2 (Тюменская область и Калмыкия) в 1989 г. до 19 в 2021 г. Увеличение экстремальных значений КРМС по итогам последней переписи косвенно показывает различающееся по регионам качество миграционных данных переписи 2021 г. Значений КРМС выше 30 не было выявлено по данным переписи в 1989 г., но подобные экстремально высокие значения результативности миграционного обмена отмечались в постсоветский период: для взаимодействия регионов Алтая и Калмыкии по переписям 2002, 2010, 2021 г. («эхо» депортации калмыков), Дагестана и Тюменской области в 2010 г., Забайкальского края и Москвы, Тувы и Мурманской области, а также Забайкальского края и Санкт-Петербурга с Ленинградской областью в 2021 г. Научная ценность сравнения контингентов выбывших и прибывших (КРМС или сальдо миграции) по данным ВПН-2021 ограничена из-за вышеописанных недостатков миграционных данных. В этих условиях ключевыми для понимания миграционных связей регионов становятся показатели КИМС как менее чувствительные к системным ошибкам последней переписи.

Наиболее интенсивные миграционные связи существуют между соседними территориями (таблица 4), это особенно характерно для Европейской России, Дальнего Востока и Северного Кавказа. Стабильная и крайне высокая интенсивность миграционных связей по данным всех рассматриваемых переписей характерна для прибытий из Кировской области в Марий Эл, а также из Чеченской и Ингушской республик в

Северную Осетию. В последней паре заметный рост произошёл к переписи 2010 г., что можно объяснить послевоенным восстановлением и возвращением вынужденных переселенцев.

Таблица 4. Максимальные значения КИМС регионов по данным ВПН-1989, 2002, 2010, 2021

Регион-донор	Регион-реципиент	КИМС приб.
1989		
Курская область	Белгородская область	31,13
Кировская область	Марий Эл	27,09
Вологодская область	Архангельская область и НАО	25,03
Костромская область	Ивановская область	24,59
Орловская область	Брянская область	24,36
Красноярский край и Хакасия	Тува	20,42
Северная Осетия-Алания	Чеченская и Ингушская Республики	20,30
Амурская область	Хабаровский край и ЕАО	20,15
Чеченская и Ингушская Республики	Северная Осетия-Алания	19,97
Орловская область	Курская область	19,31
2002		
Северная Осетия-Алания	Чеченская и Ингушская Республики	43,33
Забайкальский край	Бурятия	31,86
Кировская область	Марий Эл	26,85
Курская область	Белгородская область	25,52
Вологодская область	Архангельская область и НАО	25,30
Амурская область	Хабаровский край и ЕАО	25,07
Калмыкия	Астраханская область	24,30
Костромская область	Ивановская область	21,28
Красноярский край и Хакасия	Тува	20,50
Чеченская и Ингушская Республики	Дагестан	20,10
2010		
Северная Осетия-Алания	Чеченская и Ингушская Республики	48,99
Забайкальский край	Бурятия	35,31
Кировская область	Марий Эл	30,10
Амурская область	Хабаровский край и ЕАО	29,11
Калмыкия	Астраханская область	28,99
Курская область	Белгородская область	26,73
Вологодская область	Архангельская область и НАО	25,22
Курганская область	Челябинская область	22,14
Тува	Красноярский край и Хакасия	21,75
Бурятия	Забайкальский край	21,56
2021		
Забайкальский край	Бурятия	49,77
Калмыкия	Астраханская область	35,05
Кировская область	Марий Эл	34,17
Амурская область	Хабаровский край и ЕАО	33,81
Тува	Красноярский край и Хакасия	31,21
Северная Осетия-Алания	Чеченская и Ингушская Республики	30,20
Курганская область	Челябинская область	27,45
Бурятия	Забайкальский край	27,40
Архангельская область и НАО	Вологодская область	26,95
Калмыкия	Дагестан	26,46

Источник: Расчеты автора на основе данных переписей населения (Демоскоп Weekly 1989; Росстат 2002; 2010; 2021а).

Таблица 5. Максимальные значения КИМС регионов по данным ВПН-1989, 2002, 2010, 2021 (неграничащие регионы) *

Регион-донор	Регион-реципиент	КИМС приб.
1989		
Вологодская область	Мурманская область	12,78
Приморский край	Бурятия	11,04
Тверская область	С.-Петербург и Ленинградская область	10,13
Кировская область	Свердловская область	9,85
Амурская область	Приморский край	9,40
Пензенская область	Самарская область	9,03
Смоленская область	Калининградская область	8,31
Красноярский край и Хакасия	Забайкальский край	6,84
Амурская область	Сахалинская область	6,71
Сахалинская область	Приморский край	6,61
2002		
Амурская область	Приморский край	12,52
Вологодская область	Мурманская область	12,17
Сахалинская область	Приморский край	11,81
Чеченская и Ингушская республики	Кабардино-Балкария	9,69
Калмыкия	Чеченская и Ингушская республики	9,69
Магаданская область и Чукотка	Приморский край	9,12
Кировская область	Свердловская область	9,10
Амурская область	Сахалинская область	8,55
Магаданская область и Чукотка	Липецкая область	8,45
Тверская область	С.-Петербург и Ленинградская область	8,19
2010		
Амурская область	Приморский край	14,90
Вологодская область	Мурманская область	12,29
Сахалинская область	Приморский край	14,66
Мурманская область	Вологодская область	9,81
Камчатский край	Приморский край	9,68
Амурская область	Сахалинская область	9,54
Бурятия	Саха (Якутия)	9,47
Калмыкия	Чеченская и Ингушская республики	12,31
Магаданская область и Чукотка	Приморский край	12,33
Сахалинская область	Амурская область	9,19
2021		
Амурская область	Приморский край	17,80
Сахалинская область	Приморский край	16,56
Мурманская область	Вологодская область	14,03
Магаданская область и Чукотка	Приморский край	13,94
Мурманская область	Новгородская область	13,15
Бурятия	Саха (Якутия)	13,04
Магаданская область и Чукотка	Белгородская область	12,54
Камчатский край	Приморский край	12,02
Забайкальский край	Хабаровский край и ЕАО	11,99
Калмыкия	Чеченская и Ингушская республики	11,52

Источник: Расчеты автора на основе данных переписей населения (Демоскоп Weekly 1989; Росстат 2002; 2010; 2021а).

Примечание: * – Сахалинскую область рассматривали как граничащую с Хабаровским и Камчатским краями.

Интенсивность миграционного взаимодействия неграничащих территорий заметно ниже (таблица 5). Среди данной группы регионов выделяются дальневосточные,

где интенсивность миграционных связей возросла за период с 1989 по 2021 г. Особенно заметен Приморский край, выступающий центром притяжения для жителей восточных регионов. Переселения в Приморский край из Амурской и Сахалинской областей характеризуются высокими КИМС во все годы переписей. Проявлением интенсивных связей, не связанных с соседством, являются также переселения из Смоленской области в Калининградскую, зафиксированные всеми переписями, но с тенденцией к снижению (послевоенная миграция в заселяемый регион-реципиент); высокие КИМС по прибытию в Астраханскую область из Сахалинской и Камчатского края, вероятно, могут объясняться ведомственными перемещениями между «приморскими» регионами (пограничники, моряки, рыбаки, судостроители и члены их семей); взаимодействие регионов Алтая (в меньшей мере Новосибирской области и Красноярского края) и Калмыкии – следствие упомянутой депортации и последующего возвращения репрессированного народа. Весьма значима также роль Мурманской области как узла миграции для областей Северо-Запада. Массовое переселение из Магаданской области (и Чукотки) в регионы Черноземья сформировало интенсивные связи с Белгородской (2021 г.) и Липецкой (2002 г.) областями. Высокая теснота связи отражает не текущую интенсивность миграционных потоков, а результат накопления пожизненных контингентов в течение длительного периода.

Высокие и повышенные значения КИМС между парами регионов обычно характерны для переселений в обоих встречных направлениях. Иная ситуация складывается, если между регионами сохраняются заметные социально-экономические различия или действуют другие факторы миграции (переезд с Крайнего Севера, возвращение на родину после насильственного переселения, локальные конфликты).

Следует учесть, что сравнение интенсивности миграционных связей регионов по данным разных переписей может привести к искажению. Несмотря на это, отметим наиболее заметное снижение КИМС по прибытию в Чечню и Ингушетию из подавляющего большинства регионов России между 1989 и 2021 г. Увеличение КИМС по прибытию из Магаданской области (с Чукоткой) за 1989-2021 гг. выявлено для всех территорий России (кроме Курганской области), причём интенсивность возросла на порядок в семи регионах европейской России.

Заключение

Проведённое исследование показало, что данные о месте рождения, собираемые в ходе проведения переписей населения, остаются уникальным источником изучения долгосрочных тенденций в перемещении населения России. Контингенты пожизненных мигрантов отражают не только текущие процессы, но и накопленный результат значимых миграционных волн прошлого. Подтвердилось наличие серьёзных проблем с качеством данных ВПН-2021. Однако анализ пожизненной миграции на их основе остаётся возможным при определённых ограничениях.

Для анализа межрегиональных миграционных связей проведён расчёт КИМС, основанный на сведениях о контингентах прибывших, а не данных текущей регистрации. Этот подход позволил элиминировать влияние численности населения регионов и выявить истинную «тесноту» связей, что делает возможными межрегиональные сравнения даже в условиях ухудшения качества переписных данных. Расчёт КИМС по прибытию для пожизненной миграции продемонстрировал его относительную устойчивость к ошибкам последней переписи, даже если оценка абсолютных размеров контингентов затруднена.

Исследование подтвердило действие классических законов миграции: наличие наиболее интенсивных связей между соседними регионами (наиболее заметное в Центральной России и на Северо-Западе, в Сибири и на Дальнем Востоке), а также доминирование Московского региона как главного центра притяжения мигрантов. Выявлены отклонения от «правила соседства», к которым относится устойчивая связь Башкортостана и Тюменской области, поддерживаемая, вероятно, отраслевой специализацией и традиционными трудовыми связями между ними. Выявлены интенсивные связи Магаданской области (и Чукотки) с областями Черноземья, а также Мурманской области с регионами Северо-Запада, что отражает масштабный отток населения с северных территорий России, а выбор регионов вселения обуславливался сложившимися социальными связями и действием программ переселения. Расчёт КИМС подтвердил роль Приморского края как ключевого узла несоседских миграций на Дальнем Востоке, что закономерно, учитывая наличие только одного соседа на суше и статус крупнейшего демографического центра макрорегиона. Ряд межрегиональных миграционных связей устойчиво сохраняется и слабо зависит от качества данных отдельных переписей.

Наше исследование демонстрирует, что даже существенно ограниченные переписные данные могут служить источником для изучения долгосрочных тенденций межрегиональной миграции. При корректном использовании они позволяют выявлять долговременные закономерности, недоступные текущей статистике миграционных потоков. Перспективы исследований видятся в сопоставлении выявленных миграционных тенденций с многолетней динамикой социально-экономических показателей, а также в развитии методов сбора и анализа миграционных данных, требующих открытого диалога между научным сообществом и органами статистики.

Литература

- Абылкаликов С.И. (2018). Роль миграции в формировании населения регионов России в конце XIX-XXI вв. (Дисс. канд. соц. н.). М.: НИУ ВШЭ.
Abylkalikov S.I. (2018). The role of migration in the formation of the population of Russian regions at the end of the 19th–21st centuries. (PhD dissertation). Moscow: NRU HSE. (In Russ.).
<https://www.hse.ru/sci/diss/221254931>
- Абылкаликов С.И. (2016). Уроженцы стран бывшего СССР в структуре населения современной России. *Социологические исследования*, 4(384), 42–49.
Abylkalikov S.I. (2016). Natives of the countries of the former USSR in the structure of the population of modern Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 4(384), 42–49. (In Russ.).
<https://www.socis.isras.ru/article/6140>
- Аверьянов А.О., Степусь И.С. (2024). Арктические регионы России в межрегиональных миграционных связях. *Экономика региона*, 20(2), 412–428.
Averyanov A.O., Stepus I.S. (2024). Interregional Migration Links of the Regions of the Russian Arctic. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 20(2), 412–428. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-2-5>

- Андреев Е.М. (2012). О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации. *Вопросы статистики*, 11, 21–35
Andreev E.M. (2012). On Accuracy of Russia Population Censuses Results and Level of Confidence in Different Sources of Information. *Voprosy Statistiki*, 11, 21–35. (In Russ.).
<https://elibrary.ru/item.asp?id=18052410>
- Демоскоп Weekly (1989). Приложение. Всесоюзная перепись населения 1989 года .
Demoskop Weekly (1989). Prilozhenie. Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1989 goda. (In Russ.).
https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_pob_89.php
- Денисенко М.Б., Степанова А.В. (2012). *География происхождения жителей Москвы. Расселение населения. Демографические исследования*. Вып. 19. Москва: Макс-Пресс.
Denisenko M.B., Stepanova A.V. (2012). *Geography of Origin of Moscow Residents. Population Settlement. Demographic Research*. Issue 19. Moscow: Max-Press. (In Russ.).
- Денисенко М.Б. Степанова А.В. (2013). Динамика численности населения Москвы за 140 лет. *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*, 3, 88–97.
Denisenko M.B. Stepanova A.V. (2013). Dynamics of Moscow's Population over 140 Years. *Bulletin of Moscow University. Series 6: Economics*, 3, 88–97. (In Russ.).
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20289674>
- Замятина Н.Ю. (2016). Символический капитал территории в контексте арктических миграций: взгляд из Норильска. *Этнографическое обозрение*, 4, 45–59.
Zamyatina N.Yu. (2016). Symbolic Capital of the Territory in the Context of Arctic Migrations: A View from Norilsk. *Ethnographic Review*, 4, 45–59. (In Russ.).
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26512593>
- Карачурина Л.Б. (2003). «Соседские» миграции в России. *Demoscope Weekly*, 137–138, 1–14 декабря 2003 г.
Karachurina L.B. (2003). "Neighborhood" migrations in Russia. *Demoscope Weekly*, 137–138, 1–14 December 2003. (In Russ.).
<https://www.demoscope.ru/weekly/2003/0137/analit04.php>
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. (2016). *Региональные центры России в фокусе миграции*. Вопросы географии, 141, 209–233
Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. (2016). *Regional Centers of Russia in the Focus of Migration*. Voprosy Geografii, 141, 209–233. (In Russ.).
<http://www.ecoross.ru/files/books2016/Vopr.%20geogr.,%20sb.%20141,%202016.pdf>
- Карачурина Л.Б. (1999). *Географический анализ интенсивности миграционных связей России и ее регионов с республиками Ближнего Зарубежья (1969–1997 гг.)* (Дисс. к. г. н.). М.: МГУ им. М.В. Ломоносова.
Karachurina L.B. (1999). Geographical analysis of the intensity of migration ties between Russia and its regions with the republics of the Near Abroad (1969–1997) (Cand. dissertation). Moscow: MSU. (In Russ.).
- Лялина А.В., Гуменюк И.С., Плотникова А.П. (2025). Внутренняя миграция в Калининградской области: новые и старые тенденции. *Экономика региона*, 21(2), 514–529.
Lialina A.V., Gumenyuk I.S., Plotnikova A.P. (2025). Internal Migration in Kaliningrad Region: New and Old Tendencies. *Ekonomika regiona / Economy of Regions*, 21(2), 514–529. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-2-18>

- Методика анализа и мониторинга демографических процессов для разработки региональных стратегий развития народонаселения* (2004). М.: Права человека. Цит. по.: Рыбаковский Л. Л., Кожевникова Н.И., Савинков В.И. (2019). Межрайонные миграционные связи, их особенности и измерение. *Уровень жизни населения регионов России*, 3, 25–35.
Methodology for analyzing and monitoring demographic processes for developing regional population development strategies (2004). Moscow: Human Rights. Quoted from: Rybakovsky L.L., Kozhevnikova N.I., and Savinkov V.I. (2019). Interdistrict Migration Relations, Their Features, and Measurement. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 3, 25–35. (In Russ.).
<https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10070>
- Мкртчян Н.В. (1997). *Изменение межрайонных миграционных связей в современной России и ее регионах* (Дисс. канд. геогр. н.). М.: МПГУ.
Mkrтчjan N.V. (1997). Change of interregional migration relations in modern Russia and its regions. (Cand. dissertation). М.: MSPU. (In Russ.).
- Мкртчян Н.В. (2011). Динамика населения регионов России и роль миграции: критическая оценка на основе переписей 2002 и 2010 гг. *Известия РАН. Серия географическая*, 5, 28–41.
Mkrтчyan N.V. (2011). Dynamic of the Russian region population and role of migration: critical evaluation on the base of census of 2002 and 2010. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Geography*, 5, 28–41. (In Russ.).
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17047081>
- Мищук С.Н. (2024). Демографические показатели регионов Дальнего Востока в зеркале Всероссийской переписи населения в 2021 г. *ДЕМИС. Демографические исследования*, 8–25.
Michshuk S.N. (2024). Demographic Indicators of the Far Eastern Regions in the Mirror of the 2021 All-Russian Population Census. *DEMIS. Demographic Research*, 4, 8–25. (In Russ.).
<https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.1>
- Моисеенко В.М. (2002) Источники данных о миграции населения в России: эволюция и перспективы, *Вопросы статистики*, 6, 33–40.
Moiseenko V.M. (2002) Sources of Data on Population Migration in Russia: Evolution and Prospects, *Voprosy Statistiki*, 6, 33–40. (In Russ.).
- О надежности и сопоставимости результатов Всероссийской переписи населения 2021 года. Семинар Международной лаборатории исследований населения и здоровья НИУ ВШЭ (2023). *Demoscope Weekly*, 991–992, 13–26 июня 2023 г.
On the reliability and comparability of the results of the 2021 All-Russian Population Census. Seminar of the International Laboratory for Population and Health Research at the Higher School of Economics (2023). *Demoscope Weekly*, 991–992, June 13–26, 2023. (In Russ.).
<https://www.demoscope.ru/weekly/2023/0991/nauka03.php>
- Переведенцев В.И. (1975). *Методы изучения миграции населения*. Москва: Наука.
Perevedentsev V.I. (1975). *Methods of studying population migration*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
<https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/perevedentsev/perevedentsev.html>
- Росстат (2002). *Всероссийская перепись населения 2002 года*. Том 10, табл. 3.
Rosstat (2002). *All-Russian Population Census of 2002*. Vol. 10, tab. 3. (In Russ.).
<http://perepis2002.ru/index.html?id=19>

- Росстат (2010). *Всероссийская перепись населения 2010 года*. Том 8, табл. 3.
Rosstat (2010). *All-Russian Population Census of 2010*. Vol. 8, tab. 3. (In Russ.).
https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
- Росстат (2021a). *Всероссийская перепись населения 2020–2021 гг.* Том 6, табл. 1.
Rosstat (2021a). *All-Russian Population Census of 2020–2021*. Vol. 6, tab. 1. (In Russ.).
https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том6_Migraciya_naseleniya
- Росстат (2021b). *Всероссийская перепись населения 2020 года. Методологические пояснения.*
Rosstat (2021b). *All-Russian Population Census of 2020. Methodological Explanations*. (In Russ.).
<https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>
- Рыбаковский Л.Л. (1973). *Региональный анализ миграций*. М.: Статистика.
Rybakovsky L.L. (1973). *Regional analysis of migration*. Moscow: Statistika. (In Russ.).
https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/IDEM_library/book063.php
- Рыбаковский О.Л. (2008). *Миграция между регионами: проблемы методологии и методики анализа*. М.: Экон-Информ.
Rybakovskij O.L. (2008). *Migration between regions: problems of methodology and methods of analysis*, Moscow: Econ-Inform. (In Russ.).
- Рыбаковский О.Л., Судоплатова В.С. (2015). Постоянная миграция населения российских регионов. *Народонаселение*, 3, 4–14.
Rybakovsky O.L., Sudoplatova V.S. (2015). Permanent Migration of the Population in Russian Regions. *Population*, 3, 4–14. (In Russ.).
<https://cyberleninka.ru/article/n/postoyannaya-migratsiya-naseleniya-rossijskih-regionov>
- Рыбаковский О.Л. (2022). *Закономерности и особенности межрегиональных миграционных связей населения России за 50 лет*. М.: ФНИСЦ РАН.
Rybakovsky O.L. (2022). *Patterns and Features of Interregional Migration Relations of the Russian Population over 50 Years*. Moscow: FNIISC RAS. (In Russ.).
<https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-383-6.2021>
- Рязанцев С.В. (2005). Внутрироссийская миграция населения: тенденции и социально-экономические последствия. *Вопросы экономики*, 7, 37–49.
Ryazantsev S.V. (2005). Intra-Russian population migration: trends and socio-economic consequences. *Voprosy ekonomiki*, 7, 37–49. (In Russ.).
<https://doi.org/10.32609/0042-8736-2005-7-37-49>
- Скатерщикова Е.Е. (1996). *Жизненные миграции россиян как фактор территориальной сплоченности России*. Власть, 8, 72–78.
Skatershchikova E.E. (1996). Lifetime Migrations of Russians as a Factor of Russia's Territorial Cohesion. *Vlast*, 8, 72–78. (In Russ.).
- Смирнов А.В. (2024). Межрегиональные миграционные потоки в России: сетевой подход. *AlterEconomics*, 21(2), 286–301.
Smirnov A.V. (2024). Interregional Migration Flows in Russia: A Network Approach. *AlterEconomics*, 21(2), 286–301. (In Russ.).
<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.7>

- Смирнов А.В. (2025). Сетевой подход к изучению миграционных потоков в СССР и России. *Демографическое обозрение*, 12(2), 35–68.
Smirnov A. (2025). Network approach to studying migration flows in the USSR and Russia. *Demographic Review*, 12(2), 35–68. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17323/demreview.v12i2.27491>
- Тарасова Е.В. (2018). Миграционные связи муниципальных образований Алтайского края. *Мир Большого Алтая*, 4, 576–590.
Tarasova E.V. (2018) Migration communications of units of Altai krai. *Mir Bolshogo Altaya*, 4 (4), 576–590 (In Russ.).
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37010270>
- Тарасова Н.В. (2004). *Современные межрегиональные миграционные связи внутри России: ситуация и прогноз*. М.: ИСПИ РАН.
Tarasova N.V. (2004). *Modern interregional migration relations within Russia: the situation and forecast*. Moscow: ISPR RAS. (In Russ.).
- Топилин А.В., Воробьева О.Д., Максимова А.С. и др. (2018). *Территориальные сдвиги в размещении населения РФ и социально-экономическое развитие регионов*. М.: Креативная экономика.
Topilin A.V., Vorobieva O.D., Maksimova A.S. et al. (2018). *Territorial changes in population distribution in the Russian Federation and socio-economic development of regions*. Moscow: Creative economy. (In Russ.).
<https://doi.org/10.18334/9785912922145>
- Фарахутдинов Ш.Ф., Хайруллина Н.Г. (2022). Всероссийская перепись населения 2020–2021 гг. глазами переписчика. *Социологические исследования*, 11, 66–73.
Farakhutdinov Sh. F., Khayrullina N.G. (2022). All-Russian Population Census 2020–2021: Censusists' Point of View. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 11, 66–73. (In Russ.).
<https://doi.org/10.31857/S013216250019105-8>
- Хилажева Г.Ф. (2019). Миграционный обмен между регионами различных типов (на примере Республики Башкортостан и Тюменской области). *Регион: Экономика и Социология*, 2(102), 185–206.
Khilazheva G.F. (2019). Migration exchange between regions of different types (case study of Tyumen oblast and the Republic of Bashkortostan). *Region: Economics and Sociology*, 2(102), 185–206. (In Russ.).
<https://doi.org/10.15372/REG20190208>
- Чернышев К.А. (2025). *Развитие идей Л.Л. Рыбаковского в изучении интенсивности миграционных связей*. Демографическое развитие России: становление и эволюция научной школы Л.Л. Рыбаковского. Ярославль: Филигрань.
Chernyshev K.A. (2025). *The development of L.L. Rybakovsky's ideas in the study of the intensity of migration ties*. Demographic Development of Russia: The Formation and Evolution of L.L. Rybakovsky's Scientific School. Yaroslavl: Filigran. (In Russ.).
<https://www.fnisc.ru/publ.html?id=14039>
- Чудиновских О.С. (2023). *К вопросу об измерении миграционных и этнокультурных характеристик населения России в ходе Всероссийской переписи 2020 г.*
Chudinovskikh O.S. (2023). *On the issue of measuring the migration and ethnocultural characteristics of the Russian population during the 2020 All-Russian Census*. (In Russ.).
https://centrostat.ru/training2/webinar_30_11_2023.html

- Чудиновских О.С. (2025а). О международной миграции в Дальневосточном федеральном округе. *Demoscope Weekly*, 1079–1083, 13–26 июня 2025 г.
Chudinovskikh O.S. (2025a). On International Migration in the Far Eastern Federal District. *Demoscope Weekly*, 1079–1083, June 13–26, 2025. (In Russ.).
https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01079/scientific_digest01.php
- Чудиновских О.С. (2025b). К вопросу о возможности изучения миграции по материалам Всероссийской переписи населения 2020 г. *Демографическое обозрение*, 12(2), 4–34.
Chudinovskikh O. (2025b). On the issue of the possibility of studying migration based on the materials of the 2020 All-Russia Population Census. *Demographic Review*, 12(2), 4–34. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17323/demreview.v12i2.27489>
- Шангысбаева Ш.К., Саипов А.А. (2020). География межрегиональных миграционных связей Восточно-Казахстанской области. *Вопросы географии и геоэкологии*, 3, 135–141.
Shangysbayeva Sh.K. Saipov A.A. (2020). Geography of Interregional Migration Relations in the East Kazakhstan Region. *Issues of Geography and Geoecology*, 3, 135–141. (In Kazakh).
https://journal.ingeo.kz/images/sampled_data/books/Geog_03_2020.pdf
- Andreev E., Churilova E. (2023). The results of the 2021 All-Russian Population Census in the light of civil registration statistics and censuses of previous years. *Demographic Review*, 10(3), 4–20.
<https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17967>
- Barcus H., Halfacree K. (2018). *An introduction to population geographies: lives across space*. London, Routledge.
<https://doi.org/10.4324/9780203855843>
- Bell M., Bernard A., Charles-Edwards E., Zhu Y. (Eds.) (2020). *Internal Migration in the Countries of Asia*. Cham: Springer.
https://doi.org/10.1007/978-3-030-44010-7_19
- Bernard A., Vidal S. (2023). Linking internal and international migration over the life course: A sequence analysis of individual migration trajectories in Europe. *Population Studies*, 77(3), 515–537.
<https://doi.org/10.1080/00324728.2023.2231913>
- Bogue D.J., Shryock Jr., Henry S., Hoermann S.A. (1957). Subregional Migration in the United States 1935–40. Volume I. Streams of Migration between Subregions. A Pilot Study of Migration Flows between Environments. (Scripps Foundation for Research in Population Problems, No.5). Miami University.
- Charles-Edwards E., Bell M., Bernard A., Zhu Y. (2019). Internal migration in the countries of Asia: levels, ages and spatial impacts. *Asian Population Studies*, 15(2), 150–171.
<https://doi.org/10.1080/17441730.2019.1619256>
- Coleman D. (2013). “The Twilight of the Census”. *Population and Development Review*, 38: 334–351.
<http://www.jstor.org/stable/23655303>
- Doronina K.A. (2019). Migration as a Source of Population Growth in the Capital Megalopolises of Russia in the Period between 1989 and 2010 Censuses. *Studies on Russian Economic Development*, 1, 93–101.
<https://doi.org/10.1134/S1075700719010052>

Handbook on Measuring International Migration through Population Censuses (2022). United Nations: New York,
<https://unstats.un.org/unsd/demographic-social/Standards-and-Methods/files/Handbooks/international-migration/2022-UNSD-Handbook-Meas-Intern-Migration-E.pdf>

International Union for the Scientific Study of Population. Lifetime-migration (2025).
<https://iussp.org/en/lifetime-migration>

Ravenstein E.G. (1885). The Laws of Migration. *Journal of the Statistical Society of London*, 48(2), 167.
<https://doi.org/10.2307/2979181>

Sander N. (2014). Internal Migration in Germany, 1995-2010: New Insights into East-West Migration and Re-urbanisation. *Comparative Population Studies*, 39(2), 217–246.
<https://doi.org/10.12765/CPoS-2014-04en>

Slater P.B. (1975). Hierarchical Regionalization of RSFSR Administrative Units Using 1966–1969 Migration Data. *Soviet Geography*, 7, 453–465.
<https://doi.org/10.1080/00385417.1975.10640088>